

Кимберли Мартин не привыкла, чтобы в ее доме было так тихо. Будучи женой священника, она имела очень насыщенный график, в соответствии с которым она либо гуляла по небольшому поселку Спринг-Крик, либо сидела дома, занимаясь домашними делами, которые ее старомодный муж называл женской работой, либо ругалась со своей восемнадцатилетней дочерью Цинтией, которая уже много лет была чертовкой, но стала еще хуже после того, как ей исполнилось восемнадцать лет несколько недель назад.

На самом деле, в доме было особенно тихо, поскольку Цинтия выбежала из дома после очередного спора о ее рискованной моде. Она спустилась вниз в клетчатой юбке, настолько короткой, что верхняя часть ее белых чулок до бедер была полностью видна, и в белой блузке, которая была настолько прозрачной, что Кимберли могла видеть черный бюстгальтер своей дочери.

"Ты не выйдешь в таком виде", - сказала сорокадвухлетняя мать, прекращая украшать елку, что она должна была делать вместе с дочерью, а не одна.

"В чем?" спросила Цинтия, делая вид, что такой наряд совершенно нормален.

"Как блудница", - ответила красивая, но консервативная мама.

Восемнадцатилетняя дочь, которая была точной копией своей мамы, рассмеялась: "Правда, мама, блудница, может, мы хотя бы попадем в нужный век?".

"Не говори со мной таким тоном, юная леди", - ответила все более расстроенная Кимберли.

"Какой тон?" Цинтия пожала плечами, обязательно добавив тон к своему вопросу, а затем добавила, как будто ее мать не имела права голоса в принятии решения: "Мы с Томми идем гулять".

"Не в этом, не одетыми как...", - мать сделала паузу, не зная, какое слово подобрать.

"Как кто, мама?" спросила Цинтия с вызывающим взглядом.

"Как шлюха", - наконец промолвила Кимберли.

"Ты называешь меня шлюхой?" - спросила дочь, и напряжение в комнате мгновенно возросло.

"Нет, моя дорогая", - ответила мать, ее волосы были убраны в пучок, скрывая то, насколько красивой она могла быть с распущенными волосами, - "Это просто....".

"Так кто я, дорогая или шлюха, мама?" огрызнулась Цинтия, ее гнев кипел.

Сожалея о своем выборе слов, Кимберли попыталась перефразировать: "Пожалуйста, Цинтия. Мы должны поддерживать имидж ради твоего отца".

"К черту маму", - взорвалась Цинтия, - "Все зависит от нашего имиджа. Мне надоел этот фасад, который мы вынуждены терпеть в этом чертовом ужасном городе".

Мать была шокирована. Конечно, они ссорились, все чаще и чаще, по мере взросления ее единственной дочери и с тех пор, как ее единственный сын Бен уехал в колледж, но Цинтия никогда раньше не ругалась в ее присутствии и никогда не использовала имя Господа всуе. Ошеломленная мать взорвалась гневом: "Довольно, юная леди. Не ругайся в нашем доме и никогда не используй имя Господа всуе, это ясно?"

Следующие слова Цинтии были ядовитыми. "Да, ради Бога, мать твою, ты можешь себе представить, если люди в общине узнают, что дочь министра - какая-то сраная дешевая шлюха и что министр и его жена состоят в фиктивном сраном браке? Святое дерьмо, ткань нашего города рассыпалась бы прямо на глазах, не так ли, дорогая мамочка?" Когда она закончила, улыбка пересекла ее лицо, как будто у нее был какой-то глубокий темный секрет.

Прежде чем Кимберли поняла, что она делает, она ударила дочь по лицу.

Мгновенно мать начала извиняться: "Я... я... мне так жаль. Не могу поверить, что я только что это сделала".

Вместо того чтобы обидеться, Цинтия, казалось, почувствовала облегчение. Она улыбнулась и сказала: "Приятно знать, что за претенциозным совершенством, которое ты демонстрируешь перед всеми, скрываются какие-то эмоции".

"Цинтия, пожалуйста, давай поговорим как две взрослые женщины", - умоляла мать, едва не плача.

"Хорошо, мама. Когда папа трахал тебя в последний раз?" спросила Цинтия, улыбаясь, зная, что она

давно переступила черту.

"Цинтия!" Кимберли задохнулась от шокирующего вопроса.

"Мама, хотя ты и пытаешься скрыть это, убирая волосы в пучок, надевая консервативные блузки, длинные юбки, платья и не красясь. Ты очень красивая. Хватит скрывать свою сексуальность, мама. Сейчас 2012 год, а не 1955-й", - сказала Цинтия, ее тон был уже не сердитым, а искренним.

Кимберли ослабла от редкого комплимента ее внешности, но не успела она ответить, как услышала гудок машины.

"Это Томми", - сказала Цинтия, наклонилась и поцеловала маму в щеку, а затем добавила: "Я буду дома к полуночи".

Цинтия начала уходить, и Кимберли попыталась взять себя в руки. "Не покидайте этот дом, юная леди".

Цинтия остановилась, повернулась и сказала: "И что ты собираешься сделать, чтобы остановить меня?".

Слова, которых боится каждый родитель, полное неповиновение и момент, когда ты понимаешь, что не можешь победить.

"Я так и думала, мамочка", - улыбнулась Цинтия, снисходительно употребив слово "мамочка". "Как и с отцом, ты покорна. А теперь будь хорошей мамочкой и иди закончи наряжать елку, а потом приберись в моей комнате". Погладив мать по щеке, Цинтия повернулась и вышла через парадную дверь.

Слезы заливали ее глаза, а поверженная мать стояла там, опустошенная обращением с дочерью, полным неуважением и обвинениями в покорности. Через мгновение Кимберли роботизированным шагом направилась к елке и продолжила одинокую работу по установке семейной елки в одиночку.

Пока мать делала то, что от нее ожидали, она жалела, что ее мужа нет дома. Цинтия ни за что не вышла бы из дома в такой одежде, если бы он был дома. Она никогда не считала себя покорной, а скорее просто верной женой, которая выполняет обязанности, свойственные стереотипной "женщине, которая сидит дома". В отражении Роберт был очень требовательным человеком, суровым, но справедливым. С Робертом было только черное и белое, никогда никаких оттенков серого между ними. Тем не менее, Роберта не будет дома несколько дней, так как он читал специальную проповедь в самой большой церкви в Теннесси, а затем на несколько дней задержался на большой религиозной конференции, где он был основным докладчиком.

Кимберли закончила устанавливать елку, что всегда было особой традицией для нее и ее детей. Кимберли поднялась, чтобы убраться в комнате дочери, но остановилась и стала качать головой, думая: "Что я делаю? Я делаю именно то, что она мне велела".

Вместо этого Кимберли вернулась вниз и села за стол в столовой ректората. Кимберли отвечала почти за каждый сбор средств для церкви, и предстоящий ежегодный рождественский спектакль не был исключением. Она вздохнула, подумав о том, насколько предсказуемой стала ее жизнь, о чем она не задумывалась до резких обвинений со стороны дочери. Следующий час она потратила на организацию предстоящего конкурса: она позвонила и поболтала с миссис Вебер, которая отвечала за шоу, и в итоге согласилась быть Девой Марией; она позвонила миссис Эддлтон, чтобы убедиться, что с едой все в порядке, и в итоге согласилась приготовить ее знаменитое говяжье рагу; она позвонила мистеру Гамильтону насчет зала и в итоге согласилась взять больше рождественских гирлянд для шоу. Она быстро

решила больше не звонить, так как с каждым звонком ее нагрузка увеличивалась.

'Неужели я покорна?' подумала про себя Кимберли. Все ждут, что я сделаю то, что они просят: мой муж, моя дочь, общество". Она внезапно расстроилась и уже собиралась завязать с этим делом, когда вспомнила, как мистер Гамильтон упомянул, что при инвентаризации не удалось найти специальный резной сундучок, который использовался во всех конкурсах, тот самый, который держал один из трех королей. Это была прекрасная вещь, и она вспомнила, что не так давно видела ее в подвале церкви в одной из кладовых. Она подумала о том, чтобы оставить его до завтра, но она была довольно требовательна к вещам. Она все еще не могла уснуть после ссоры с дочерью и знала, что не уснет спокойно, пока не проверит, на месте ли он.

На улице только что закончился снегопад, и город выглядел прекрасным, припорошенным свежим снегом. Кимберли решила пройти три квартала пешком, а не ехать на машине, чтобы насладиться свежим зимним воздухом. Ей редко доводилось просто гулять по ночному городу и наслаждаться его спокойной красотой. У каждого дома были рождественские украшения на лужайке перед домом и огни на домах; она улыбнулась, когда начала напевать: "Это начинает походить на Рождество".

Прогулка по трем кварталам заняла более двадцати минут, пока миссис Мартин просто любовалась домами, болтала с мистером и миссис Смит, которые сами вышли на прогулку, и просто наслаждалась свободой одиночества.

Подойдя к церкви, Кимберли обнаружила, что дверь заперта, и вздохнула, сообразив, что не взяла с собой ключи. Раньше церковь никогда не запиралась, пока несколько месяцев назад не произошел неприятный инцидент: посреди ночи она подверглась вандализму. Она уже собиралась повернуть назад и пойти домой, когда заметила, что в подвале горит свет. Она подумала, не был ли кто-нибудь внизу, возможно, искал сундук, как она собиралась сделать, и решила пойти посмотреть.

На снегу были свежие следы, ведущие к задней двери, и, конечно, она была не заперта. Кимберли вошла внутрь, сняла сапоги, покрытые снегом, и спустилась вниз. Спустившись вниз, она уже собиралась поздороваться, когда услышала ворчание и стоны, доносившиеся из дальней комнаты. Обычно там проводились брачные консультации. Она вдруг почувствовала сильное беспокойство и медленно на цыпочках подошла к слегка приоткрытой двери.

Когда любопытная жена министра медленно заглянула внутрь, ее рот открылся, и ей пришлось прикрыть рот, чтобы не задохнуться от увиденного. На столе, за которым обсуждалась святость брака, лежала ее дочь, обнаженная, кроме блузки, и она явно занималась сексом с Томми Чейзом, своим плохим парнем, которого Роберт очень не одобрял. В церковь ходила только мать, Кэролайн, ни ее гнусный муж-продавец автомобилей, ни их единственный сын Томми никогда не приходили на воскресные службы.

Первым побуждением Кимберли было войти и остановить это, как поступила бы любая мать в такой ситуации, но она этого не сделала. Вместо этого она замороженно смотрела, как ее дочь так тщательно трахает удивительно мускулистый подросток.

Цинтия стонала: "Сильнее, Томми. Вставь свою большую змею в меня до упора".

Услышать грязные слова дочери было шокирующим, даже после их бурной ссоры. Но если в прошлый раз слова попали прямо в ее сердце, то в этот раз они попали совсем в другое место. Кимберли не могла отрицать внезапного подергивания влагалища. Поэтому вместо того, чтобы остановить сексуальное распутство, мама, которая не могла вспомнить, когда в последний раз занималась сексом, наблюдала за происходящим с вуайеристским трепетом.

Между тем, Цинтия становилась еще более оживленной, когда Томми продолжал жесткие глубокие толчки в нее. "О, черт, черт, Томми, я уже близко".

Томми хрюкнул в ответ: "Ты любишь мой большой член, не так ли, шлюшка?".

Кимберли снова задохнулась, услышав, как ее дочь называют таким уничижительным именем, но это, казалось, только усилило эйфорию, нарастающую в ее дочери.

"Да, детка, твой член так идеально подходит к моей мокрой пизде", - стонала она в ответ.

Кимберли снова не могла поверить в это. Конечно, Цинтия была не промах, но никогда за миллион лет она не могла предположить, что ее дочь не только позволит называть себя шлюхой, но и сама назовет себя таковой.

"Однажды я собираюсь взять твою заднюю дверь, шлюшка", - сказал Томми, его руки сжимали груди дочери Кимберли через рубашку.

"Я не знаю, детка", - стонала Цинтия.

"Я не спрашивал твоего мнения, сучка. Теперь ты моя пизда и будешь делать то, что тебе говорят", - сказал Томми с уверенностью, которая подразумевала, что это не подлежит обсуждению.

Твердость его голоса послала импульсные волны матери-вуайеристке, ее собственная покорная личность вырвалась на передний план.

"Просто снимите меня, детка", - потребовала Цинтия, явно два волевых человека, пытающихся контролировать ситуацию и друг друга.

Томми подчинился, пот струился по его телу, когда он врезался в почти достигшую кульминации Цинтию.

Тело Цинтии подпрыгивало, как кукла Тряпичная Энн, когда она кричала: "Шииит, я кончаю".

Кимберли наблюдала за оргазмом своей дочери и представляла, что это ее трахают так сильно. Не в силах больше сопротивляться соблазну, она запустила руку под платье и добралась до своей желанной, давно забытой вагины.

Через минуту после оргазма Цинтии Томми гаркнул: "Соси мою большую толстую змею, хуесос".

<http://erolate.com/book/2623/62546>